

DOI 10.15826/qr.2017.3.243

УДК 94(470)"1905/1917"+329.055.2-055.2+332.834

ЖЕНЩИНЫ, НАЦИОНАЛИЗМ И РОССИЙСКИЕ ПРАВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (1905–1917)*

Джордж Гилберт

Саутгемптонский университет,
Саутгемптон, Великобритания

WOMEN, NATIONALISM AND THE RUSSIAN RIGHT (1905–1917)**

George Gilbert

University of Southampton,
Southampton, UK

This essay examines the activity of women in the Russian organized right between 1905 and 1917. It is particularly concerned with the scale of the female membership of the right-wing movement, and their connection to philanthropic and political roles. It examines the backgrounds of the women who joined the movement, the type of the activities that they became involved in, and where these women's clubs fitted into the social mission of the Russian right in the early twentieth century. It then considers the role of women in charity activities and what this can tell us about female agency in the right-wing movement. A final aim is to assess whether these organizations mirrored more radical characteristics emerging elsewhere in the right-wing movement, or whether they were mostly building on established trends in women's civic group formation.

Keywords: Russian history of the early 20th century; nationalism; conservatism; charity; anti-Semitism.

Анализируется политическая деятельность женщин в организованных российских правых объединениях в период между 1905 и 1917 г., в особенности масштаб женского участия в правом движении и связь с благотворительным и политическим аспектами движения. Изучаются политическая

* Автор выражает благодарность доктору Ниев Каллен, профессору Джейн Мак-Дермид, доктору Джоан Тамблти и профессору Питеру Уолдрону, высказавшим ряд ценных рекомендаций при работе над этой статьей.

** *Citation:* Gilbert, G. (2017). Women, nationalism and the Russian right (1905–1917). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243.

Цитирование: Gilbert G. Women, nationalism and the Russian right (1905–1917) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243 / Гилберт Дж. Женщины, национализм и российские правые организации (1905–1917) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 656–674. DOI 10.15826/qr.2017.3.243.

и социальная принадлежность женщин, принимавших участие в правовом движении, виды их деятельности и то, в каком аспекте эта деятельность совпадала с социальной миссией русского правового движения начала XX в. Рассматривая роль женщин в благотворительной деятельности, автор уточняет различные ее аспекты в рамках правового движения. Цель статьи – рассмотреть, отражали ли подобные организации более радикальные настроения, возникавшие в рамках правового движения, или же они действовали преимущественно в рамках уже сложившихся тенденций формирования женских гражданских объединений.

Ключевые слова: история России начала XX в.; правые движения; национализм; консерватизм; благотворительность; антисемитизм.

«Кружок русских женщин при Харьковском отделе Союза русского народа ставит своею целью содействовать по возможности улучшению материальных и нравственных условий жизни членов союза» [КРЖ, с. 3]. Это заявление, будучи цитатой из брошюры 1907 г., содержащей список правил и положений одного из десятков женских объединений Российской империи, иллюстрирует новую грань мобилизации правых после событий 1905 г., а именно появление в это время (названное современниками «смутным») женских объединений. Хотя количество женщин-активисток было относительно немногочисленно, они были глубоко вовлечены в российское правовое движение и играли ключевую роль в желании лидеров расширить его социальный охват. Представленная работа исследует гендерный аспект правового движения в России, выявление участия женщин может добавить дополнительные оттенки к истории эволюции российских «правых» в период между 1905 и 1917 г.

Термин «правые» сложно поддается точному определению как в российском контексте, так и в зарубежной истории. В этой работе мы будем применять его к крупнейшим российским объединениям, многие из которых появилась во время или сразу после революции 1905 г. Наиболее значительные из правых объединений с точки зрения количества членов и влияния таковы: Русское собрание, Союз русского народа, Союз русских людей, Русская монархическая партия и Союз Михаила Архангела [Rawson, p. 21–72]. В статье рассматриваются и менее крупные объединения, лишь номинально связанные с основными союзами, но все же сотрудничавшие с ними и придерживавшиеся тех же принципов [Русский консерватизм, с. 120–141]. Объединяла эти группы сформулированная С. Уваровым теория «официальной народности» (1832), включающая три основополагающих принципа – православие, самодержавие, народность. После 1905 г. правые начали изыскивать способы инициировать массовое членство и стали активно участвовать в российской политике. Традиционные принципы официальной народности смешались с политикой правого крыла, что стало отличать новых правых от старых консервативных политических групп. Гнев, порожденный событиями 1905 г., который правые

активисты использовали в своих целях, оказался направлен против целого ряда «врагов» – землевладельцев, капиталистов, масонов, представителей других национальностей, в том числе евреев. В этом российские правые повторяли популистскую правую политику, возникшую в современной им Европе и опиравшуюся на быструю индустриализацию, а также на растущее влияние носителей интернациональных (в отличие от родной) культур [Rogger, Weber; Rosenthal, Rodic]. Иногда этот гнев проявлялся во вспышках насилия, ставших характерными для нового правого радикализма.

Советские историки сравнительно мало писали на тему «черных сотен» («черносотенцев») [Аврех] – о правых партиях стали больше писать лишь после распада Советского Союза; тогда же был поставлен ряд важных вопросов, касающихся правого движения [Rawson; Степанов, 2005; Кирьянов, 2001; Витухновская-Кауппала]. Теперь эта тема занимает важное место в историографии позднего периода существования Российской империи, о чем свидетельствует ряд недавно опубликованных работ [Лукьянов; Vydra; Gilbert]. В некоторых из них анализируются проблемы формирования партий, в то время как в других подробно рассматриваются социальная база правого движения и членство в нем [Кирьянов, 2001]. Благодаря последним обширным исследованиям стали известны многие новые документальные материалы о правых [Правые партии]. Достаточное внимание уделяется рабочим, студентам и крестьянам, которые присоединялись к правым партиям, что иллюстрирует разнообразную социальную базу состава участников. Несмотря на такие подвиги, о женском участии в правых движениях исследователи почти не пишут, и в соответствующей литературе практически отсутствует гендерный аспект [Омельяничук, с. 134–136, 211–213; Gilbert, p. 177–179]. С другой стороны, хотя европейские историки, изучающие этот период, часто отмечали участие женщин в ультраправых группах, до сих пор эти наблюдения не распространялись на изучение дореволюционного правого движения в России [Hainsworth, Passmore].

Несмотря на патриархальность России, женщины, которые составляли большинство населения, были неотъемлемой частью культурной, социальной и политической жизни позднего периода Российской империи. Популистские правые объединения, которые стремились охватить как можно более широкие социальные слои, старались привлекать женщин в свои ряды. И все же, помимо численных показателей членства женщин в правых организациях, важно понять, каким образом и какие именно роли они играли внутри правого движения – были ли они социальными, благотворительными или политическими и кем они определялись. Более того, женские объединения были важной частью активности правого крыла на общенациональном уровне – факт, побуждающий задавать вопросы о других аспектах правого движения. Были ли женские группы, подобно большинству правых, радикальными группировками или все же более консервативными

организациями? Стремилась ли женщины, участвовавшие в этих организациях, играть нетрадиционные роли, или их роли определялись мужчинами – лидерами общенациональных объединений?

Корни женских объединений, как почти всех группировок правого крыла, лежат в расстановке сил, определившейся в ходе революции 1905 г. В начале этого года организованные правые были очень немногочисленны. Объединения, такие как Русское собрание, основанное в 1901 г. в Санкт-Петербурге, могли рассчитывать всего лишь на несколько десятков преданных делу активистов и на средства пропаганды – в обращении были десятки журналов и брошюр [Кириянов, 2003]. В апреле 1905 г. в Москве была сформирована Российская монархическая партия (РМП) во главе с Владимиром Грингмутом, но это формирование также было небольшим в масштабах России – всего несколько сотен активных членов [Rawson, p. 34–45]. В конце 1905 г. после целого года революционных событий эта ситуация драматически изменилась. Забастовки рабочих и восстания крестьян по всей империи принудили правительство России совершить серию беспрецедентных уступок. Октябрьский манифест обозначил целый ряд изменений, таких как созыв законодательного парламента (Государственной думы) в первый раз в истории России, принятие закона о веротерпимости, свобода выражения мнений для нерусских меньшинств и отмена запрета на формирование политических групп [Asher, 1988; Asher, 1992].

Это привело к мобилизации консервативных сил: возникла идея, что Россия в опасности и, в частности, что манифест предаёт исконные традиции самодержавия. Русский консерватизм был к тому времени разномастным «церковным приходом» – он включал в себя и умеренных пропарламентаристов, таких как С. Витте, и реакционера В. фон Плеве (министра внутренних дел в 1902–1904 гг.) Такой разброс к началу революции привел к формированию праворадикальных группировок, которые также провозглашали, что стремятся защищать русские традиции. Самым большим из новых объединений был Союз русского народа (СРН), основанный в Санкт-Петербурге в 1905 г. врачом Александром Дубровиным. Две другие крупнейшие группировки – Союз русских людей (СРЛ) и позднее Союз Михаила Архангела (Русский национальный союз Михаила Архангела (РНСМА) был основан в 1908 г.). Распространение правого движения было стремительным: активисты по всей империи записывали тысячи людей в организации, общая численность которых на первом этапе составила 400 тыс. чел., из которых более чем 350 тыс. вступили в СРН, а оставшиеся – в другие крупные и несчетное множество мелких групп [Степанов, 2005, с. 180; Кириянов, 1997, № 8, с. 99–100]. Принимая во внимание тенденции политической мобилизации того времени, можно констатировать, что эти цифры были огромными. Для сравнения: Конституционно-демократическая партия (кадеты), самая большая на тот момент классическая либеральная партия в России (выступав-

шая за парламент и за собственность), на пике своей популярности насчитывала всего около 120 тыс. членов [Коткин, с. 98].

Российские правые движения отражали новую для России и большей части Европы политику – антикапиталистическую, антилиберальную и антисемитскую, построенную как на массовой агитации и социальной активности, так и на парламентском присутствии [Gilbert, p. 7–9; Правые партии, т. 1, с. 335]. Для иллюстрации этого тезиса можно рассмотреть позицию основных правых группировок, таких как СРН, на важные вопросы, например, вопрос о земле. СРН предлагал экспроприировать землю у дворянства и передать крестьянам, таким образом призывая к радикальному перераспределению богатства и власти в пользу народа [Gilbert, p. 57–62; Омелянчук, с. 402–404]. Позиции в отношении таких вопросов иллюстрирует поистине сейсмический разлом, открывшийся между различными правыми группами в российской политике.

Между концом 1905 и второй половиной 1906 г. правые объединения начали формироваться быстрыми темпами. Членство рабочих и крестьян в них было в числе неотложных приоритетов: в своем манифесте к выборам Первой государственной думы (основана в 1906 г.) СРН потребовал включать в движение эти социальные классы для создания эффекта представительства всех групп российского общества [Программы, с. 441; Правые партии, т. 1, с. 160–163, 230–232]. Важно отметить, что СРН всегда был открыт для женщин: с самого начала было разрешено вступление в союз представителям обоих полов, хотя они должны были быть русскими по национальности [Иванович, с. 119]. Более того, женщины станут важной частью всеобъемлющей и разнообразной стратегии формирования правых групп.

С 1907–1909 гг. в правых движениях наблюдается устойчивая тенденция по привлечению женщин, организации с их участием появляются в разных частях империи. Некоторые из них были созданы независимо от крупнейших правых организаций, остальные были номинально связаны с основными общенациональными объединениями – например, с СРН. Их возникновение произошло как в Москве и Санкт-Петербурге, так и во всем правом движении, включая области с преобладающим нерусским населением: Кружок русских женщин в Харькове, виленский Кружок русских женщин, воронежский Союз русских женщин, Русский женский кружок учащихся Москвы и Союз русских женщин в Санкт-Петербурге. Главным образом группы появлялись в урбанизированных районах, где уже существовали оптимальные условия для их формирования – места для собраний и достаточная плотность населения – или в городах, где правые уже имели достаточно сильную народную поддержку (Москва, Санкт-Петербург и Вильно). Сохранившиеся источники иллюстрируют желание женщин говорить от имени различных сословий России и принимать в свои ряды разных членов, особенно православную

бедноту, что показывает стремление объединить все классы и сословия русских женщин [ОВК, 1909, с. 12]. Основная инициатива такого объединения шла снизу; строгой корреляции между полом создателей группы и основной массой ее членов не было. Так, несмотря на то, что членами Кружка русских женщин в Вильно были в основном женщины, он был организован мужчинами-активистами [Там же, с. 10]. Напротив, Русский женский кружок учащихся в Москве был организован женщинами, ставшими впоследствии его лидерами [Мирный труд, 1909, № 5, с. 54].

Согласно официальной статистике, сотни активистов вошли в эти объединения в течение нескольких последующих лет. Среди них было много молодежи, в частности студентов: в Москве только в 1907 г. 42 студентки присоединились к Русскому женскому кружку учащихся под руководством лидера этого кружка А. Г. Чумаевской [Мирный труд, 1909, № 5, с. 54]. Кружок русских женщин в Вильне, руководимый Е. И. Климович, был особенно активным даже в общенациональных размерах: с 3 января 1908 г. до 3 января 1909 г. он получил 354 заявки на вступление; в этот же период в нем было зарегистрировано 158 женщин и 28 мужчин в качестве полноправных членов. При этом 11 человек (7 % от общего числа) были обозначены как «из интеллигенции» [ОВК, 1909, с. 10]. К 1 января 1911 г. кружок насчитывал 72 члена, из них 49 составляли актив и 23 были кандидатами; к 1 января 1912 г. его численность выросла до 219 человек. Участницы кружка происходили из различных сословий, включая представительниц высшего общества и женщин, имеющих профессии, – учителей и врачей [Там же, с. 3]. Областью отдельного интереса были учащиеся: харьковский Кружок русских женщин (открытый в 1912 г.) насчитывал 77 студентов и школьников [ОХО, с. 13]. Мужчины также могли вступать в женские объединения и присутствовали на некоторых мероприятиях: группа в Вильне писала о заседаниях, на которых присутствовали «многие местные русские дамы и некоторые мужчины» [ОВК, 1909, с. 2].

Правые женские организации привлекали членов из разных социальных сословий, от дворянства до обычных горожан. Помимо создания таких организаций, женщины также могли играть важную роль в структуре руководства. Елена Полубояринова (1864–1919), секретарь СРН после 1907 г., была также редактором учрежденной им газеты «Русское знамя» между 1909 и 1912 г. и играла центральную роль в превращении газеты в основной инструмент пропаганды СРН. Когда СРН раскололся в конце 1908 г., Полубояринова совместно с Дубровиным участвовала в создании новой организации из остатков старой [Черная сотня, с. 403–404]. Лидия Кологривова (?–1915), одна из ведущих активисток, известная в свое время поэтесса и дочь графа А. И. Ухтомского, участника войны с Наполеоном 1812 г., была членом Русского монархического собрания [Там же, с. 255–256]. Это было, однако, скорее исключением,

а не правилом: большинство женщин вместо политики были вовлечены в благотворительность и социальную работу – именно это они считали своей самой важной миссией. В решение этой задачи были вовлечены и социальные элиты, но главным образом благотворительностью и социальной работой занимались состоятельные женщины, обладавшие профессией: членами воронежского Союза русских женщин, декларировавшего, что он выполняет социальную роль, открывая возможности участия «бедным женщинам», были главным образом представительницы интеллигенции и дворянства [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

Пример Санкт-Петербургского Союза русских женщин, который был в своей деятельности связан с Институтом археологии в Витебске, также может проиллюстрировать специфику организации женских объединений. Его задачи и деятельность отражали интересы обеспеченных женщин, которые его возглавляли. Его руководство стремилось привлечь в свои ряды как элиту, так и широкие слои общества – союз обозначал свои интересы как этнографические, исторические, лежащие в области искусства и национальные. Как обычно, благотворительная деятельность была одной из основных его целей, и, как и в воронежской организации, здесь утверждалось, что союз приближен к царю и императорской семье: в 1913 г. его члены с энтузиазмом поддержали празднование трехсотлетия дома Романовых, и Мария Федоровна, супруга Александра III, стала его покровительницей [СРЖ, 1912, с. 6]. Женщины, тем не менее, проявляли активность на всех уровнях правого движения: некоторые стали лидерами и организаторами в политических партиях, и еще большее количество были активистками на переднем крае деятельности, которую правое движение считало своей социальной миссией.

Лидеры академических корпораций, студенческих правых группировок, в основном мужчины, также стремились привлекать в свои объединения студенток. В. Ж. Курсов, активист Русского собрания, в 1907 г. учредил «Русский женский кружок учащихся г. Москвы», заручившись поддержкой Владимира Грингмута, который успел посетить его заседания несколько раз до своей смерти (октябрь 1907 г.) [Мирный труд, 1909, № 5, с. 47; Мирный труд, 1912, № 10, с. 20–23]. Состав совета кружка был следующим: Е. Е. Восторгова, С. А. Олицина, Л. Д. Грингмут, Л. А. Кологривова, Н. А. Муровцева, Е. А. Боголепова. Подобно мужским отделениям организаций, целью этих объединений было изгнать политику из российских университетов и оставить «школу только для науки» [Мирный труд, 1909, № 5, с. 49]. Они декларировали главным образом культурные цели: создание учебных кружков, библиотек и клубов для сохранения свободной мысли во время сокрушительных забастовок и беспорядков во многих российских университетах, призывали к защите веры, царя и Отечества и пропагандировали «освобождение» университетов с тем, чтобы они могли вновь стать «храмами науки»: «Никакой забастовки

нет, да и быть не может в храме свободной науки» [Там же, с. 50]. Женские кружки составляли небольшой процент движения академистов – не более чем несколько сотен членов по всей стране, но их связи с общенациональным движением и другими ответвлениями студенческого правого крыла заявляют об их влиятельности и о готовности работать с другими правыми группировками. Они были тесно связаны с существующими студенческими объединениями – Русский женский кружок учащихся пишет о тех же самых проблемах, что и мужские отделения студенческого движения. Студенческие женские объединения были небольшими и включали от 30 до 50 членов [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 184. Л. 2].

Проведя оценку численности российских правых организаций, имеет смысл рассмотреть, почему они были настолько заинтересованы в привлечении женщин к своей деятельности. Во-первых, женские клубы считались полезными для поддержки крупных общенациональных объединений. В пример можно привести Кружок русских женщин Харьковского отделения Союза русского народа. Правила и положения кружка, созданного в 1907 г., ясно показывают, что он был предназначен для поддержки местного отделения СРН, действовавшего в Харькове с конца 1906 г. и насчитывавшего почти 4 тыс. членов [Кириянов, 1997, № 6, с. 107]. Очевидна связь между руководящими принципами общенациональных союзов и недавно учрежденных женских объединений. В дополнение к обеспечению «материальных и нравственных условий» для головной организации эта группа требовала от своих членов «подражать» членам Харьковского отделения СРН как во взглядах, так и в поведении [КРЖ, с. 3–4]. Идеология женского кружка была идентична идеологии основного отделения СРН и закрепляла три центральных принципа – православие, самодержавие и народность, поддерживая идеи русского национализма и защиты православных подданных империи. Однако, буквально следуя Харьковскому отделению СРН в идеологии, кружок стремился свести к минимуму радикальные проявления, декларируя мирные демократичные принципы своей деятельности [КРЖ, с. 3–4]. Не следует недооценивать сложность этой ситуации: как и в правом движении в целом, возникавший в этот период национализм уже отчетливо проявлял себя, что подчеркивалось желанием восстановить единую и неделимую Россию. Кружок русских женщин, организованный в Вильно в 1909 г., декларировал, что он был создан для повышения «национального самосознания» его членов [ОВК, 1909, с. 2].

Женские объединения выполняли уникальные функции, которые могли быть использованы для поддержки общенациональных партий и общественных организаций. Роль женщин первоначально определялась доминировавшими в правом движении мужчинами, но после стала широко обсуждаться в рамках самих союзов. Основной идеей было то, что женщины, будучи по натуре забот-

ливыми, должны были оказывать помощь нуждающимся. Важнейшие мероприятия Виленского кружка включали в себя создание и поддержку столовых для голодающих и открытие домов бедноты для безработных русских граждан [ОВК, 1909, с. 8–10]. Его члены также занимались изготовлением одежды и текстиля и выполняли функции социальной защиты, открывая новые возможности представительницам малообеспеченных слоев населения, которые не входили в руководство кружков, но часто были вовлечены в благотворительную деятельность. И такая инициатива была проявлена, по крайней мере первоначально, националистическими организациями, в которых преобладали мужчины. Следует подчеркнуть, что правые принимали участие в благотворительной деятельности до того, как появились первые женские организации: РНСМА, в частности, и ранее усиленно занимался благотворительностью и призывал активистов участвовать в ней [Правые партии, т. 1, с. 546]. В рамках правых организаций с мужским большинством политические дебаты и кампании против политических противников были одним из основных видов деятельности, тогда как женские группы фокусировались на социальной активности. Гендерная инклюзивность, конечно, не означала гендерного равенства, хотя правые издания показывают, что участники обычно были готовы следовать идеям равенства.

Все наиболее успешные проекты женских объединений связаны с филантропией. Эти же принципы были позднее приняты женщинами, создававшими собственные организации. Например, Союз русских женщин в Харькове заявил, что для поддержки деятельности местного СРН «кружку предоставляется право устраивать школы, больницы, приюты, дома трудолюбия и тому подобные учреждения, разрешаемые общим собранием союза» [КРЖ, с. 3]. Цели такой работы были двоякими. Во-первых, определялась конкретная роль женщин в рамках движения и демонстрировалось, что правые включают в свои ряды самые широкие слои населения. Во-вторых, помощь местному населению обеспечивала кредит доверия группировкам правого толка, показывала их участие в социальной работе. Добровольческая работа была способом наглядно показать, что правое движение, как и декларировалось активистами, «выше политики». Через участие в социальных проектах правые утверждали, что движение было не разрушительным, а, напротив, полезным для значительной части населения. Таким образом укреплялась вера в то, что правые помогают русскому народу.

Благотворительность была частью популистской пропаганды правых: женские клубы подчеркнуто декларировали, что во время постреволюционного кризиса они были на стороне бедных, на переднем крае добровольческой помощи православной русской бедноте. Кружок русских женщин, созданный в Вильно в 1909 г., декларировал следующие цели:

Целью кружка поставить оказание помощи бедным русским православным и лютеранам, открытие бесплатных столовых и школ, оказание всеми путями помощи безработным и неимущим, устройство дневных приютов, оказание необходимой помощи русским православным паломникам и вообще оказание всякого рода материальной помощи неимущим, больным и проч. [ОВК, 1909, с. 3].

Декларация предписывает женщинам возглавлять группы, занимающиеся оказанием материальной поддержки и предлагающие помощь тем, кто оказался в бедственном положении после революции и войны. Союз русских женщин в Воронеже указывает аналогичный виленскому набор мероприятий, добавляя производство одежды и текстиля [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

На протяжении всего 1907 г. и позднее Кружок русских женщин оказывал материальную помощь бедным, действуя далеко за пределами своей основной базы в церкви Михаила Архангела виленского района Снипишки. 2 марта 1908 г. при церкви была открыта воскресная школа, в которой проходили встречи участников кружка и распространялись тексты религиозного содержания. Школа была бесплатной и предназначалась жителям Вильно и окружающих областей; по задумке организаторов, целью ее деятельности была поддержка в учениках религиозного сознания. Эта идея четко прослеживается в пропагандистских материалах кружка: «Теперь всякая русская школа в нашем крае не только очаг, разливающий кругом себя свет и теплоту, но вместе и миссионерский пункт» [ОВК, 1909, с. 9–10].

Подобная якобы аполитичная направленность демонстрировалась и другими способами. Еще одной сферой интересов кружков была поддержка детей и семей. В этом же храме одной из руководительниц Кружка русских женщин Е. Н. Добрянской была открыта столовая. В ней кормили десятки детей бедняков: как указывалось в литературе, издаваемой кружком, миссией учреждения было накормить «бедных детей» из семейств, занимающихся «чернорабочим трудом» [Там же, с. 4–5]. Здесь же раздавали подарки и готовили угощения на Пасху и Рождество, выдавали детям теплую одежду [Там же, с. 6]. Организаторы кружка считали, что это было важной социальной обязанностью и даже патристическим долгом его членов. Эта церковь стала центром деятельности правых в Вильно, которая продолжалась с 1910 по 1912 г. Во главе с председателем Е. И. Климович в 1910 г. для детей из бедных семей здесь был учрежден детский сад «Manger», в течение года принявший 30 детей в возрасте от двух до 12 лет. Параллельно с поддержкой нового детсада члены кружка продолжали заниматься пошивом одежды и раздачей продовольствия [ОВК, 1913, с. 5].

Подобно остальным организациям, Союз русских женщин в Санкт-Петербурге культивировал идеи патриотизма: одной из целей его деятельности было предоставление «помощи раненым героям», то есть оказание финансовой и материальной поддержки раненым, например, пошив теплой одежды [СРЖ, 1912, с. 6]. Такой объем социальной работы помогал глубже интегрировать правые группы в регионах и демонстрировать благородный характер их деятельности, на практике воплощая националистические и популистские идеи правого движения. Поддержка семей была естественным следствием женского участия в этих группах.

Воронежский Союз русских женщин, возглавлявшийся М. Н. Дитрих, также провел целый ряд мероприятий, включая участие в художественных выставках, продажу произведений живописи и благотворительность. Дитрих, одна из наиболее известных правых активисток, имела семейные связи с правым движением: ее отец Николай Дитрих входил в совет РНСМА. Участие М. Н. Дитрих в движении выходит за рамки благотворительности: она также была членом Русского собрания и председателем совета Союза русских женщин. Престиж этого объединения был высоким, поскольку оно создавалась под патронажем императрицы [Черная сотня, с. 170]. Первое его собрание, состоявшееся в 1908 г., приняло резолюцию о том, что союз откроет мастерскую для изготовления русских национальных костюмов. Эта инициатива играла двойную роль: создание нарядов в русском национальном стиле было вкладом в «воспитание патриотизма» – такого, каким его видели члены группы; с другой стороны, мастерская обеспечивала рабочие места для малообеспеченных женщин. В докладе председателя союза М. Берновой, заместителя Н. Поповой и секретаря Е. Прохоровой говорится, что между 1908 и 1911 г. он играл важную роль в предоставлении экономической помощи бедным семьям [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34]. В целом можно утверждать, что женщины в таких объединениях были довольны своим статусом: в источниках нет данных, показывающих, что женщины добивались каких-то других ролей или оспаривали свое предназначение внутри групп правого движения, активно продвигаясь в публичную политику.

Для участников движения подобные инициативы были доказательством истинности правой идеи. Лидеры общенациональных объединений, такие как А. Дубровин и глава РНСМА В. Пуришкевич, считали участие женщин важной частью правого движения и основным доказательством декларируемой аполитичности правых и оказывали их объединениям небольшую финансовую поддержку. Пуришкевич высылал лидерам кружков сравнительно небольшие суммы денег (в пределах 50–100 руб.); более того, он посещал их заседания и читал лекции с целью помочь пропагандировать свою деятельность [Мирный труд, 1909, № 5, с. 55]. И хотя в документах упоминается, что члены Союза русских женщин принимали участие в штрейкбрехерстве

в Московском университете, никаких доказательств тому нет [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 184. Л. 6–7]. Неучастие в акциях насилия приносило несомненную пользу правому движению, подтверждая, что его участники настроены мирно и альтруистично.

Хотя общенациональные правые организации и поддерживали женские объединения с известным энтузиазмом, важно отметить, что женщины, участвовавшие в их создании и руководстве, сами стремились к этой роли. В поздний период истории Российской империи женщины уже играли важную роль в общественных институтах в целом и в благотворительной деятельности в частности. Императрица Елизавета и другие представительницы аристократии в 1812 г. учредили Императорское женское патриотическое общество для вспомоществования пострадавшим в войне с Наполеоном [Lindenmeyr, p. 13–16, 111, 123–129]. Назначением женщинам определенной роли правые подчеркивали свою миссию защитников всего народа: через благотворительную работу и, в частности, помощь бедным женские объединения будто бы узаконивали социальную роль всего правого движения. Именно они стали важнейшим примером мобилизационных мероприятий правых, а также доказательством того, что последние были на стороне народа в ходе революционного кризиса.

Международный женский день в Петрограде. 23 февраля (8 марта) 1917.
Воззвание на транспаранте: «Если женщина раба – не будет и свободы!
Да здравствует равноправная женщина!»

International Women's Day in Petrograd. February 23 (March 8), 1917.
The banner proclaims: "If a woman is a slave, there will no be freedom!
Long live equal rights for women!"

Ключевой темой историографических исследований о российском правом движении были его отношения с российским государством [Rawson, p. 142–152; Gilbert p. 118–127]. Женские союзы, как правило, имели доверительные отношения с российскими властями: их благотворительная деятельность не давала тайной полиции причин для подозрений. Напротив, они открыто демонстрировали, что получают официальную поддержку. Так, Санкт-Петербургский Союз русских женщин подчеркивал, что получает государственную поддержку: его члены заявляли, что Министерство внутренних дел (тайная полиция) не видит проблем с его формированием [СРЖ, 1912, с. 6].

Союз женщин в Санкт-Петербурге был учрежден вдовой Александра III Марией Федоровной и получал финансовую поддержку от нее, хотя источники не указывают ясно, на что именно отпускались средства и какие [СРЖ, 1916, с. 5]. У других объединений отношения с государством были более напряженными, и о финансовой помощи речь не шла. Так, в 1911 г. Воронежский Союз русских женщин жаловался на отсутствие финансирования от Городского совета. Центральный совет союза, включавшего 60 членов, возглавляла М. Бернова, вице-председателем была Л. Попова, а казначеем – Е. Прохорова. В своей жалобе женщины заявили, что общая сумма финансовой помощи, выделенной союзу, была совсем небольшой (около 500 руб.). Виновником такого положения дел совет называл отсутствие внешнего вспомоществования:

В 1910 г. председательница М. Бернова подавала прошение в Воронежскую городскую думу, прося выдать пособие на ясли, или назначить какую-нибудь денежную субсидию, какие получают от города другие приюты и богадельни, или дать даровое помещение в одном из городских домов. Но город, несмотря на видимую пользу существующих ясель, во всем отказал. Вследствие такого отношения города С. Р. Ж. опять приходится содержать ясли исключительно на свои средства и добровольные пожертвования сочувствующих лиц. Всего этого, конечно, настолько мало, что единственной поддержкой этого благого дела является устройство каких-либо увеселительных вечеров или гуляний [ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53. Л. 34].

Деятельность Союза русских женщин в Воронеже была подорвана отсутствием поддержки со стороны Городской думы. Правые оказались в непростых отношениях с властями после 1905 г. и не всегда могли полагаться на их помощь, поскольку часто воспринимались тайной полицией как опасный источник экстремизма. Тайная полиция с подозрением смотрела на праворадикальный СРН из-за склонности его членов к постоянным демонстрациям и даже акциям насилия [Gilbert, p. 118–127]. И хотя настоящей необходимости искоренять или контролировать деятельность кажущихся безвредными женских кружков не было, но и особенной поддержки от государства ждать не прихо-

дилось; министерство финансов демонстрировало скорее прохладное, чем открыто враждебное отношение.

Несмотря на то, что женские организации участвовали во многих благотворительных мероприятиях, было бы неверно рассматривать их исключительно как умеренные, в отличие от более нетерпеливого и насильственного радикального крыла правых – таких объединений, как СРН или СРЛ. С точки зрения практики женские союзы обычно казались мирными, но их идеологические пристрастия представляли совсем иную картину. Они создавались исключительно для помощи православной русской бедноте: правила и положения Виленского кружка, основанного в 1909 г., декларировали, что он был создан для благотворительной помощи русскому населению, поскольку еврейское и польское население уже было облагодетельствовано «окрепшими благотворительными организациями польского и еврейского обществ» [ОВК, 1909, с. 2]. Это обстоятельство было одним из центров политической дискуссии того времени: евреев и поляков обвиняли в создании в стране такого климата, который позволял эксплуатировать русских православных бедняков. Другие примеры показывают схожую тенденцию обвинять национальные меньшинства, особенно евреев, в том, что участники правого движения считали кризисом современного российского университета. Например, в одном из памфлетов московского Кружка русских женщин, учрежденного в Москве 8 декабря 1907 г. А. Г. Чумаевской, О. В. Ивановой, Е. Н. Львовой и О. А. Корниловой, спрашивается: «Что же должна чувствовать благородная чистая русская девушка, загнанная любовью к науке или нуждой борьбы за жизнь, в этом грязном жидовском омуте?» [Мирный труд, 1912, № 10, с. 21]. Подобные антисемитские выпады свидетельствуют о типичном для правых кругов того времени представлении о том, что евреи доминировали в культурной и политической жизни позднего периода Российской империи; время от времени в правой пропаганде появлялись дичайшие антисемитские «утки» – например, о том, что существовал еврейский заговор, контролировавший всю прессу.

Участие России в Первой мировой войне дало новый импульс женским объединениям, подхватившим целый круг патриотических обязанностей, ставших актуальными во время этого крупного международного конфликта. Союз русских женщин Санкт-Петербурга продолжал начатую деятельность, а также стал заниматься работой в военных госпиталях. Его участницы несли дежурство на заводе Шидловского в центре города, где был открыт временный госпиталь для раненых. Как и другие гражданские объединения, которые появились или проявляли активность после 1914 г., союз заявлял, что он выполняет свой патриотический долг: его председатель говорила о важности госпитальной работы и поддержке военной кампании. Совет во главе с А. А. Кусковой помогал обеспечивать медицинские нужды госпиталя, поставляя лекарства и перевязочный

материал; другая служба заботилась о чае, сахаре и сигаретах для раненых. М. Дитрих считала, что обеспечение персоналом госпиталя на заводе Шидловского было насущной необходимостью, если учесть огромные масштабы военного конфликта. Союз русских женщин выполнял патриотическую миссию военного времени [СРЖ, 1916, с. 4].

Как показали исследования правых движений в других странах, правые популистские движения включали женщин в свою политику и инфраструктуру. Положение женщин в фашистских группах XX в., а также женщин, участвующих в современных крайне правых популистских объединениях, привлекает пристальное внимание исследователей (см., например: [Pasmore, p. 1–10]). Исследования по положению женщин в правом движении до 1914 г. гораздо меньше. Подавляющее большинство правых и националистических объединений этого периода основывались вокруг агрессивно мужской идеологии и идентичности, и ведущие теоретики и активисты правых групп по всей Европе были почти исключительно мужчинами [Rogger, Weber; Rosenthal, Rodic]. Тем не менее, в этот исторический период женщины-активистки начинают появляться в националистическом правом движении, в том числе в России. Примеры из других стран включают француженку Сибиллу-Габриэль де Мирабо, которая опубликовала большое количество работ в конце XIX в. под мужским псевдонимом Guy [Silverman].

Женские объединения в России не занимались актуальными вопросами, привлекавшими феминисток Европы начала XX в., такими как избирательное право и другие равные права для женщин. Российские женские клубы поддерживали поразительно традиционные представления о роли женщин в обществе даже по современным им меркам, и их участие в правой политике обычно ограничивалось негласно «женскими» формами деятельности (благотворительностью или сестринской работой в госпиталях). Напротив, деятельность многих активистов-мужчин из правого крыла была радикалистской и предполагала уличное насилие, массовые акции и убийства. Хотя женские объединения отчасти справлялись с задачей включения женщин в правое движение, но они же служили своего рода маргинализации женщин, изолируя их от важных политических вопросов.

* * *

Создание женских организаций вписывалось в более широкую миссию правых – вернуться к традиционному обществу, основанному на активной реализации общинных ценностей, солидарности и родового единения. В редких случаях женщины-активистки становились больше, чем просто рядовыми патриотического движения, приобретая влияние в идеологической сфере и в практической деятельности; однако это было исключением из преобладающей тенденции оставлять женщинам благотворительную сферу. Политические и со-

циальные вопросы в женских объединениях были оттеснены на второй план, но социальная работа, которой они занимались, в итоге поддерживала стратегию правого движения – показать, что правые были на стороне народа. Многие члены движения высоко оценивали вклад участниц. Не забывая о насильственной и часто разрушительной политике радикальных правых и об их ультранационалистских идеях и акциях, стоит сказать, что появление женских союзов указывает на растущую многогранность социальной роли правых этого периода. Женские объединения в рамках правого движения показали, что попытки включить в политику представителей обоих полов и создать более широкое общественное движение могли иметь определенные успехи. Правые не боролись за гендерное равенство, но стремились продвигать идею социальной общности русского народа вне зависимости от половых и классовых различий, и эта цель была до определенной степени достигнута.

Список литературы

- Аврех А.* Столыпин и третья дума. М. : Наука, 1968. 520 с.
- Витхновская-Кауппала М. А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с.
- ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 53; Д. 184.
- Кирьянов Ю. И.* Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // *Вопр. истории.* 1997. № 6. С. 104–124; № 8. С. 92–117.
- Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России, 1911–1917. М. : РОССПЭН, 2001. 464 с.
- Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М. : РОССПЭН, 2003. 352 с.
- Кружок русских женщин. Харьков : Тип. журн. «Мирный труд», 1907. 13 с. (КРЖ).
- Лукьянов М. Н.* Русский консерватизм, 1900–1914. Штутгарт : Ibidem-Verlag, 2007. 282 с.
- Мирный труд. Харьков : Тип. журн. «Мирный труд», 1900–1917.
- Омельячук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : Межрегион. акад. управления образования, 2007. 744 с.
- Отчет Виленского кружка Русских женщин за 1908 год. Вильна : Рус. почин, 1909. 12 с. (ОВК, 1909).
- Отчет Виленского кружка Русских женщин за 1913 год. Вильна : Типолит. Р. И. Тасьмана, 1914. 8 с. (ОВК, 1913).
- Отчет о деятельности состоящего под Августейшим Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством союза Русских женщин. СПб. : Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1912. 8 с. (СРЖ, 1912).
- Отчет состоящего под Августейшим Ее Величества Государыни императрицы Александры Феодоровны покровительством союза Русских женщин за 1915 год. Пг. : Слово, 1916. 7 с. (СРЖ, 1916).]
- Отчет Харьковского общества Русских женщин за 1912 год. Харьков : Мирный труд, 1913. 17 с. (ОХО).
- Правые партии : Документы и материалы. 1905–1917 гг. : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов. Т. 1–2. М. : РОССПЭН, 1998. 719 + 815 с. Т. 1. 1905–1910 гг. Т. 2. 1911–1917 гг.
- Программы политических партий России / сост. В. В. Шелухаев. М. : РОССПЭН, 1995. 461 с.
- Русский консерватизм XIX столетия : Идеология и практика / сост. В. Я. Гросул. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

- Степанов С. А. Черная сотня. М. : Рус. тайны, 2013. 672 с.
 Черная сотня : Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.
- Ascher A. *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1992. 460 p.
- Ascher A. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1988. 440 p.
- Edmondson L. *Feminism in Russia 1900–1917*. Stanford : Stanford Univ. Press, 1984. 197 p.
- Freeze G. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The Am. Historical Rev.* 1986. Vol. 91. № 1, pp. 11–36.
- Gilbert G. *The Radical Right in Late Imperial Russia*. L. : Routledge, 2016. 258 p.
- Hainsworth P. *The Extreme Right in Western Europe*. Abingdon ; Oxon : Routledge, 2008. 176 p.
- Kotkin S. *Stalin : Paradoxes of Power, 1878–1928*. L. : Penguin, 2014. 949 p.
- Lindenmeyr A. *Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1996. 304 p.
- Löwe H. Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900–1914 // *Slavonic and East Europ. Rev.* 1998. Vol. 76. № 3. P. 441–466.
- Rawson D. C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 286 p.
- Rogger H. *Jewish Policies and Right-wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1986. 289 p.
- Silverman W. Z. *The Notorious Life of Gyp: Right-Wing Anarchist in Fin-de-Siècle France*. Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. 368 p.
- The European Right: A Historical Profile* / eds. H. Rogger, E. Weber. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1966. 589 p.
- The New Nationalism and the First World War* / eds. L. Rosenthal, V. Rodic. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. 195 p.
- Ůdva Z. *Život za Cara? Krajní pravice v předrevolučním Rusku*. Prague : Pavel Mervart, 2010. 552 s.
- Waldron P. *Between Two Revolutions : Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1998. 220 p.
- Women, Gender and Fascism in Europe, 1919–1945* / ed. K. Passmore. Manchester : Manchester Univ. Press, 2003. 288 p.

References

- Ascher, A. (1988). *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford, Stanford Univ. Press. 440 p.
- Ascher, A. (1992). *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford, Stanford Univ. Press. 460 p.
- Avrekh, A. (1968). *Stolypin i tretjya дума* [Stolypin and the Third Duma]. Moscow, Nauka. 520 p.
- Edmondson, L. (1984). *Feminism in Russia 1900–1917*. Stanford, Stanford Univ. Press. 197 p.
- Freeze, G. (1986). The Soslovie [Estate] Paradigm and Russian Social History. In *The American Historical Rev.* Vol. 91, No. 1, pp. 11–36.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 117. List 1. Dopp. 53; 184.
- Gilbert, G. (2016). *The Radical Right in Late Imperial Russia*. L., Routledge. 258 p.
- Grosul, V. Ya. (Ed.). (2000). *Russkiyj konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism in the Nineteenth Century: Ideology and Practice]. Moscow, Progress-Tradiciya. 440 p.
- Hainsworth, P. (2008). *The Extreme Right in Western Europe*. Abingdon, Oxon, Routledge. 176 p.

Kir'yanov, Yu. I. (1997). Pravye i konstitucionnye monarkhisty v Rossii v 1907–1908 gg. [Right-wing and Constitutional Monarchists in Russia in 1907–1911]. In *Voprosy istorii*. No. 6. P. 104–124; No. 8, pp. 92–117.

Kir'yanov, Yu. I. (2001). *Pravye partii v Rossii, 1911–1917* [Right-wing Parties in Russia, 1911–1917]. Moscow, ROSSPEhN. 464 p.

Kir'yanov, Yu. I. (2003). *Russkoe sobranie. 1900–1917*. [Russian Assembly. 1900–1917]. Moscow, ROSSPEhN. 352 p.

Kir'yanov, Yu. I. (Ed.). (1998). *Pravye partii. Dokumenty i materialy, 1905–1917 gg.* [Right-wing Parties. Documents and Materials, 1905–1917] : v 2 t. Moscow, ROSSPEhN. 719 + 815 p. T. 1. 1905–1910 gg. T. 2. 1911–1917 gg.

Kotkin, S. (2014). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. London, Penguin. 949 p.

Kruzhku Russkikh zhenshchin [Circles of Russian Women] (1907). Khar'kov, Mirnyj trud. 13 p.

Lindenmeyr, A. (1996). *Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, Princeton Univ. Press. 304 p.

Löwe, H. (1998). Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900–1914. In *Slavonic and East European Rev.* Vol. 76. No. 3, pp. 441–466.

Luk'yanov, M. N. (2007). *Russkiy konservativizm, 1900–1914* [Russian Conservatism, 1900–1914]. Stuttgart, Ibidem-Verlag. 282 p.

Mirnyj trud [Peaceful Work] (1900–1917). Khar'kov, Mirnyj trud.

Omel'yanchuk, I. V. (2007). *Chernosotennoe dvizhenie v rossijskoy imperii (1900–1914)* [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1900–1914)]. Kiev, Mezhhregional'naya akademiya upravleniya obrazovaniya. 744 p.

Otchet Khar'kovskogo obshchestva Russkikh zhenshchin za 1912 god [Records of the Khar'kov Society of Russian Women 1912] (1913). Khar'kov, Mirnyj trud. 17 p.

Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod Avgusteyshim Ee Velichestva Gosudaryni Imperatricy Aleksandry Feodorovny pokrovitel'stvom soyuza Russkikh zhenshchin [Records of the Activity of the Union of Russian Women under the Patronage of Her Imperial Highness State Empress Aleksandra Feodorovna] (1912). St Petersburg, Tipografija Sankt-Peterburgskoy tyur'my, 1912. 8 p.

Otchet sostoyashchego pod Avgusteyshim Ee Velichestva Gosudaryni imperatricy Aleksandry Feodorovny pokrovitel'stvom soyuza Russkikh zhenshchin za 1915 god [Records of the Activity of the Union of Russian Women under the Patronage of Her Imperial Highness State Empress Aleksandra Feodorovna 1915] (1916). Petrograd, Slovo. 7 p.

Otchet Vilenskogo kruzhka Russkikh zhenshchin za 1908 god [Records of the Vilna Circles of Russian Women 1908] (1909). Vil'nyus, Russkiy pochini. 12 p.

Otchet Vilenskogo kruzhka Russkikh zhenshchin za 1913 god [Records of the Vilna Circles of Russian Women 1913] (1914). Vil'na, Tipolitografija R. I. Tas'mana. 8 p.

Passmore, K. (Ed.). (2003). *Women, Gender and Fascism in Europe, 1919–1945*. Manchester, Manchester Univ. Press. 288 p.

Rawson, D. C. (1995). *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 286 p.

Rogger, H. (1986). *Jewish Policies and Right-wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press. 289 p.

Rogger, H., Weber, E. (Eds.). (1966). *The European Right. A Historical Profile*. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press. 589 p.

Rosenthal, L., Rodic, V. (Eds.). (2015). *The New Nationalism and the First World War*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 195 p.

Shelokhaev, V. V. (Ed.). (1995). *Programmy politicheskikh partiy Rossii* [Programmes of Russian Political Parties]. Moscow, ROSSPEhN. 461 p.

Silverman, W. Z. (1995). *The Notorious Life of Gyp: Right-Wing Anarchist in Fin-de-Siècle France*. Oxford : Oxford Univ. Press. 368 p.

Stepanov, A. D., Ivanov, A. A. (Eds.). (2008). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya ehnciklopediya 1900–1917* [Black Hundreds. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow, Institut russkoy civilizacii. 640 p.

Stepanov, S. A. (2013). *Chernaya sotnya* [Black Hundreds]. Moscow, Russkie tajny. 672 p.

Vitukhnovskaya-Kauppala, M. A. (2015). *Finskiy sud vs. "chernaya sotnya": rassledovanie ubiystva Mikhaila Gercenshteyjna i sud nad ego ubiytcami (1906–1909)* [The Finnish Court against the "Black Hundreds": Investigation into the Murder of Mikhail Herzenstein and the Court Judgement on His Death (1906–1909)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 220 p.

Vydra, Z. (2010). *Život za Cara? Krajni pravice v předrevolučním Rusku*. Prague, Pavel Mervart. 552 p.

Waldron, P. (1998). *Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 220 p.

*Translation by Anna Dergacheva
The article was submitted on 20.12.2016*